

УДК 821.352.3

DOI: 10.35330/1991-6639-2023-6-116-375-383

EDN: OYDIQN

Научная статья

Эволюция творчества адыгских писателей XX века

Ю. М. Тхагазитов

Институт гуманитарных исследований –
филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук
360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Аннотация. В статье анализируются истоки формирования кабардинской новописьменной литературы 20–30-х годов. Рассматриваются характерные и основные тенденции развития кабардинской поэзии (Бекмурзы Пачева, Туты Борукаева, Али Шогенцукова, Алима Кешокова, Лиуана Губжокова и др.). Цель – раскрыть художественные достижения и противоречия в самом литературном процессе, творчестве отдельных писателей и художественных произведениях. В результате исследования выявлено, что литературный процесс определялся сложным политическим и культурным синтезом, идеологизацией, лежащей в основе художественного мышления. Многовековую логику развития национальной литературы следует рассматривать как эволюционный процесс, вписавшийся в советскую глобализацию, открывший новые пути дальнейшего развития кабардинской литературы в условиях современной культурной универсализации.

Ключевые слова: кабардинская литература 20–30-х гг., эволюция, эстетическая актуальность, идеологизация

Поступила 27.11.2023, одобрена после рецензирования 29.11.2023, принята к публикации 02.12.2023

Для цитирования. Тхагазитов Ю. М. Эволюция творчества адыгских писателей XX века // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2023. № 6(116). С. 375–383. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-6-116-375-383

Original article

The evolution of creativity of Adyghe writers of the 20th century

Tkhagazitov Yu.M.

Institute of Humanitarian Researches –
branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street

Abstract. The article analyzes the origins of the formation of Kabardian new written literature of the 20–30s. The characteristic and main trends in the development of Kabardian poetry are considered (Bekmurza Pachev, Tut Borukaev, Ali Shogentsukov, Alim Keshokov, Liuan Gubzhokov, etc.). The goal is to reveal artistic achievements and contradictions in the literary process itself, the work of individual writers and works of art. As a result of the study, it was revealed that the literary process was determined by a complex political and cultural synthesis, ideologization underlying artistic thinking. The centuries-old logic of the development of national literature should be considered as an evolutionary process that fit into Soviet globalization, opening up new ways for the further development of Kabardian literature in the conditions of modern cultural universalization.

Keywords: Kabardian literature of the 20–30s, evolution, aesthetic relevance, ideologization

For citation. Tkhagazitov Yu.M. The evolution of creativity of Adyghe writers of the 20th century. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS*. 2023. No. 6(116). Pp. 375–383. DOI: 10.35330/1991-6639-2023-6-116-375-383

Связь письменной литературы с фольклором пережила сложную эволюцию: от прямого заимствования сюжетов, художественных конфликтов и проблематики до переосмысления функций фольклора, определения его роли в становлении и развитии образного мира литературы. Другим источником для развития кабардинской литературы является творчество адыгских просветителей XIX века.

Анализируя истоки формирования новописьменной литературы в 20–30-е годы, следует помнить, что они связаны прежде всего с художественным опытом русской литературы.

Художественные открытия, достижения и противоречия в самом литературном процессе, творчестве отдельных писателей и художественных произведениях определялись тогда сложным политическим и культурным синтезом, идеологизацией, лежащей в основе художественного мышления.

Масштабные социальные преобразования в Кабардино-Балкарии в 20-е годы прошлого века вызвали к жизни многие литературные жанры, призванные в эпоху социальных потрясений и духовного перелома запечатлеть образ человека и времени.

В годы становления кабардинской литературы доминирующее положение в ней занимала поэзия. Наиболее характерные и основные тенденции развития кабардинской поэзии были реализованы в творчестве Бекмурзы Пачева и Туты Борукаева.

Бекмурза Пачев знал тонкости адыгского фольклора, исторические предания своего народа. В своем письменном творчестве он развил фольклорно-эпические традиции. Его творчество стало связующим звеном перехода от фольклора к письменной литературе.

В знаменитом стихотворении «Ветер», написанном в 1912 году, Пачев создает картину разрушения национального мира. Символ ветра предстает у поэта в своей суровой однозначности, как разрушительная стихия этнических оснований народа после «национальной катастрофы» (С. Суюхов) [1, с. 24].

К особенностям развития кабардинской литературы означенного периода относится и обращение к игровым началам творчества джегуако, что нашло художественное претворение у Т. Борукаева, сумевшего соединить в структуре художественного текста фольклорные и личностные основы этнической традиции.

В идеологизированном литературном процессе 20–30-х годов совмещаются различные тенденции, представляемые не столько творческой индивидуальностью, сколько самим литературным процессом. В этом смысле кабардинская литература развивалась в том же русле, что и другие литературы бывшего Советского Союза.

Литературный процесс 20–30-х годов и становление творческой индивидуальности невозможно представить себе без творчества Али Шогенцукова, автора лирических стихотворений, поэм «Зимняя ночь», «Мадина», «Вчерашние дни Тембота», а также романа в стихах «Камбот и Ляца», являющихся художественной летописью кабардинского народа [2].

Основатель и главная действующая фигура советской кабардинской литературы начальных этапов ее становления и развития, ученик баксанских просветителей Али Шогенцуков сохраняет свою эстетическую актуальность именно ввиду органичной связи со значимыми структурами этноментального сознания, национальной специфики художественной рефлексии.

Поэт ищет пути выхода из кризиса после Кавказской войны, а для него это прежде всего создание национальной литературы, являющейся «инобытием» богатейшего пласта национально-эпической традиции и возможностью ее выживания в личностно-поэтической интерпретации.

Поэт вобрал в свой художественный мир эстетические ценности инациональных литератур и выстроил его по координатам непреходящих традиционных ориентиров. Надо подчеркнуть, что выдающийся национальный поэт Али Шогенцуков вслед за Бекмурзой Пачевым становится неподкупным голосом своего народа. Уже в самой его личности и жизненном пути, как и в поэзии, сопрягаются все лучшие традиции национальной культуры, а также русской, европейской (жанровая система, принципы русского и европейского стихосложения и т.д.) и восточной поэтики.

В годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы по-прежнему интенсивно и успешно развивалась поэзия. В 40–50-е годы лирика Бетала Куашева, Алима Кешокова и Адама Шогенцукова получает признание у всесоюзного читателя.

В обширном ряду произведений А. Кешокова, датируемых 40–50-ми годами XX века, трудно найти художественные тексты, полностью вычлененные из общего потока советской эстетики и утверждающие этническую рефлексю автора.

Первые попытки равноправного представления национального и общесоветского, как нам кажется, связаны с военной лирикой поэта.

Значительным произведением военного и послевоенного творчества А. Кешокова стала драматическая поэма «Земля нартов». Поэма начинается с возвращения воина-победителя на родину: «Я вернулся с вещевым мешком». Он видит разоренную врагом землю, где все разрушил «побежденный враг». Священная война видится поэту как битва за спасение человечества, как борьба света с тьмой. Поэт убежден, что у народа хватит сил возродить разоренную землю, возродить «молодость и красоту земли». Кешоков не случайно делает эту строку своеобразным лейтмотивом драматической поэмы. Сохраняя в основном идейно-тематическую структуру нартского эпоса, он углубляет психологические мотивировки, глубже раскрывает внутренний мир героев.

К какой бы теме Алим Кешоков не обращался в послевоенные годы, всегда можно наблюдать в его творчестве органический синтез лирического начала с народно-эпической традицией:

О, если б мне чудесный конь достался,
Не стал бы я на нем сидеть в седле,
Вскочил бы на хребет его и мчался,
И Млечный Путь провел бы на земле [2, с. 67].

Так, приблизительно в середине XX столетия в кабардинской поэзии сознательным введением в текст закрепляются традиционные ценности и, что самое главное, тенденция отказа А. Кешокова от идеологических установок к постижению индивидуального лирического переживания, что находит свое дальнейшее развитие у Б. Куашева и других поэтов послевоенного поколения.

Замечательным литературным дебютом Б. Куашева явилось стихотворение «Индыл» (1948). Его деятельность этого периода многогранна: он пишет стихи, поэмы, либретто, сказки. Вобрав в себя опыт двух прославленных мастеров слова – А. Шогенцукова и А. Кешокова, он расширил художественную выразительность национального и поэтического текста.

Художественный опыт А. Кешокова и Б. Куашева развивается поэтами-шестидесятниками, которые выбирают в литературе наиболее близкую для своей индивидуальности художественно-стилевую тенденцию (З. Тхагазитов, Л. Губжоков, К. Эльгар, Б. Кагермазов, П. Кажаров и др.).

Отмечая вклад и место Зубера Тхагазитова в истории кабардинской поэзии, следует подчеркнуть важность его роли в плане связующего звена между поколениями писателей. Первые его опыты выделены естественным синтезом национального и гражданского.

Важно отметить, что условно-индивидуальное «Я» в лирике З. Тхагазитова – исходная точка осмысления окружающего в рамках традиционной этничности:

Когда свершить я подвиг не смогу,
ты изгони меня, о, родина моя...
Но и прости меня.
Когда же я смогу, но убегу,
когда же я сумею, но солгу,
ты прокляни меня, страна кипучих рек!.. [3, с. 89]

Лирическая канва произведения реализовывается тоже в русле советской патетики, но одновременно мы наблюдаем равноправное присутствие в приведенных строках «своих» национальных базовых ценностей и идеалов. Внутренняя художественная раскрепощенность поэта делала возможным эволюционное развитие его художественного мышления даже в жестких рамках сугубо официальной эстетики [4].

В качестве характерной черты поэтики и образного мышления З. Тхагазитова все же стоит выделить субъективизацию эстетического переживания. Данный феномен в художественном мире поэта отчетливо проявляется. Поэзия З. Тхагазитова самобытна и представляет собой огромный шаг вперед на пути формирования национально-эстетического отражения. Также, абстрагируясь от обобщенного коллективного переживания, писатель сохраняет в стихотворениях актуальные для своего времени особенности семантики и риторики.

Источником поэзии Лиуана Губжокова стала сама жизнь во всех ее проявлениях. Поэт смотрел на мир под «исключительно поэтическим углом зрения» (В. Белинский). Как настоящий художник слова, он отличался исключительной добротой и отзывчивостью. Об этом свидетельствуют его произведения, в особенности стихотворение «Я в милых горах не однажды...»:

Я в милых горах не однажды
Страдал от обилья дождя,
Но почву спасал он от жажды,
И не обиделся я... [5, с. 112].

Поэт каждый раз предстает в новых и неожиданных образах: охотником («Я охотник, охочусь за счастьем...»); женой охотника («Жена охотника»); ракушкой, «выловленной в море» и «грустящей о родине» («Морская ракушка»); влюбленным морем, скучающим по своей возлюбленной («Прибоем прибрежную гальку дробило»); стайей голубей, каждый день прилетающей к инвалиду за кормом («Гулкий стук костылей...»); материнским сердцем («Баллада о материнских слезах»); волнами Череха («Волны Череха») [5].

Важное место в творчестве Лиуана Губжокова занимает образ матери. Для поэта, которому не посчастливилось почувствовать прикосновение «шершавой отцовской руки», мать оставалась опорой во всем, и ее утрата стала самой большой трагедией в его жизни. Обращаясь к душе матери, поэт пишет:

Я вечного покоя не нарушу –
Не обману я чайний твоих:
В душе своей ношу твою я душу
И жизнь любить сумею за двоих [5, с. 37].

Герой Лиуана Губжокова в постоянном поиске неизведанного. Мотив следования мечте, поиск счастья близок и другим авторам, однако у Лиуана Губжокова он неповторим. Всю жизнь поэт посвятил светлой надежде на лучшее будущее своего народа.

После меня – пусть цветет все, как прежде!
Жизнь посвящаю я этой надежде [5, с. 90].

Следующее поколение, которое привнесло в поэзию на кабардинском языке новые пути развития литературы, представлено А. Бицуевым, Х. Бештоковым, Р. Ацкановым и А. Оразаевым.

Творчество А. Бицуева оформлялось в поисках органичного единства национального этико-эстетического мышления (Одни и пред буранами тверды, // Других пугает шорох листопада) [6, с. 13]. Поэту не чужды и высокие лирические откровения:

Снег идет... Скрываясь от тепла,
Вслед за ним иду я наугад,
Только не уйти мне от тебя:
Ты всегда любила снегопад...
Мне б через сугробы и года
Миновать бы прошлое в обход...
Только как забыть тебя, когда
Снег идет! Снег идет... [6, с. 45].

Стихотворение А. Бицуева «Снегопад» нужно рассматривать в ряду таких шедевров кабардинской лирики, как «Зимняя ночь» А. Шогенцукова, «Поэзия» А. Кешокова, «Черное море» З. Тхагазитова, «Земля моя» Л. Губжокова, «82-й сонет» Р. Ацканова.

В первой книге Х. Бештокова «Ракетодромы» присутствует дерзкий порыв к художественному освоению духовного мира современника. Уже в этом сборнике стихов удалось преодолеть внутреннюю точку зрения на традицию.

Поиск новых художественно-стилевых тенденций Х. Бештоков продолжил в «Каменном веке», где намеренно и осознанно дистанцировался от национального и одновременно социологического подхода, уведя событийное художественное ядро произведения в доэтническое, досоциальное бытие человека.

Поэтическое своеобразие романа в стихах «Каменный век» как этапного для кабардинской литературы явления есть результат органичного синтеза анимистической языковой стихии с инонациональным художественным опытом.

К достижениям кабардинской литературы в полной мере нужно отнести и поэзию Руслана Ацканова. Он обладает даром настоящего поэта – ненавязчиво вступать в диалог со своим читателем. Больше всего поэт опасается обесценивания родного слова. Зачастую точность и лаконизм его поэтического стиля уходят в мир «ностальгической элегантности» (А. Кармова).

Р. Ацканов сумел убедительно воспроизвести в своем творчестве открытие мира, радость его познания и грусть, ставшую основой тонкого лиризма и элегической тональности. Его поэтическое мироощущение отмечено совершенно неожиданной тягой к единению, казалось бы, взаимоисключающих художественных тенденций, восприимчивых к жесткой линии горизонта и к переливающейся светотени, мимо которой протекает взор поэта на пути к месту соединения земли и неба.

Художественное мышление Афлика Оразаева также подчеркнуто равнодушно к ключевым национальным концептам, природа которых органично объединяет устоявшиеся в художественном сознании составные национального универсума с нетривиальным переходом к процессу с соответствующими нюансами возникающих при этом переходе смыслов. Семантически неоднозначные концепты А. Оразаева, как и изменчивые объекты («дождь», «снег», «свет», «ветер» и др.), – не просто индивидуальные слепки с реалий бытия. Их зыбкость – тревога поэта о будущем. Это прежде всего ощущение неустойчивости и хрупкости национального бытия, мироздания в целом.

Именно в поэзии названной выше плеяды, во многом завершающей нюансы развития кабардинских этико-эстетических ценностей, появляются апокалиптические мотивы, редкие для авторов новописьменных литератур.

С 60-х годов кабардинский роман органично вписывается в общесоюзный литературный процесс. Писатели обобщают исторический опыт народа, его прошлое и настоящее, отражают соотношение истории и личности в ее становлении и во взаимосвязях с национальной культурой [7].

Роман А. Шортанова «Горцы», обращенный к истории народов Кавказа (начало XIX века), поднимает значительные проблемы художественного обобщения, связанные с военными, политическими событиями этого периода, уделяя также внимание жизни, нравам, быту Дагестана, Осетии, Черкесии, Кабарды и Балкарии.

Уже первая книга романа «Горцы» явилась значительным вкладом в кабардинскую литературу, представляя собой относительно законченное произведение. Многие сюжетные линии и характеры в романе четко обозначены: это и Бекмурза Ногмов, и Батоко, и кузнец Дабеч, и Ермолов, и многие другие. Но особый интерес вызывает у автора образ кабардинского просветителя Шоры Ногмова.

В романе тесно сплетены глобальные исторические проблемы и судьбы отдельных людей. В постижении сложнейшей эпохи первой половины XIX века сказались большая эрудиция и высокая профессиональная культура писателя, этнографа и фольклориста А. Шортанова. Исторические и фольклорно-этнографические познания автора помогли созданию того фона, на котором разворачивались события и человеческие судьбы, вводя читателя в своеобразный мир Кавказской войны.

Сближением Ногмова с русскими просветительскими идеями автор определяет роль и место конкретного человека в истории кабардинского народа. И это позволило ему в новом ракурсе осветить историческое прошлое кабардинского народа и пути его дальнейшего развития.

Для полноправной характеристики развития кабардинской прозы наиболее удачными представляются романы «Род Шогемоковых» Х. Теунова, «Вершины не спят» и «Сломанная подкова» А. Кешокова, «Достойны гыбзы» С. Мафедзева.

Уже название романа «Род Шогемоковых» определяет его жанрово-композиционную особенность: история рода воссоздается писателем на фоне событий Зольского восстания кабардинских крестьян и значительных политических событий в России начала XX века.

Наряду с семейно-бытовой проблематикой в романе зримо прослеживается нарастающая линия повествования: от частного протеста к глубокому пониманию социальных проблем и формированию внутреннего мира личности героя.

Повествуя о поворотных этапах истории и жизни кабардинского народа – предоктябрьской, революционной и послереволюционной эпохи, А. Кешоков в романе «Вершины не спят» художественно исследует закономерности исторического движения, связывая воедино большие исторические события с судьбами своих героев. Народ и революция, драматизм становления национального самосознания, борьба за утверждение нового мира, становление национальной интеллигенции – вот проблемы, поставленные и реализованные в данном произведении.

Лейтмотивом другого известного произведения А. Кешокова «Сломанная подкова» является судьба малых народов, волею истории оказавшихся на перекрестке социальных катаклизмов. Находящаяся в процессе становления нация вновь предстала перед выбором, от которого зависела ее дальнейшая судьба. Сюжетную основу романа «Сломанная подкова» составляют события, развернувшиеся в Кабардино-Балкарии осенью 1942 года. Быстро приближающаяся война диктует в кратчайшие сроки решение сложнейших политических и хозяйственных задач, важных не только для самой республики, но и для страны в целом. Как провести эвакуацию скота? Нужно ли при этом руководствоваться мест-

ными решениями или ждать приказа вышестоящих органов? Оправдано ли формирование кавалерийской надивизии в условиях ведения современной войны?

Экстремальные условия, в которых приходится решать эти принципиальные вопросы, подчеркивают неоднозначность проблем, поставленных историей, не только выявляют затаившихся врагов советской власти, но и приводят к столкновению людей, связанных общими целями и задачами. Особенно удались А. Кешокову образы Локотоша и Бештоева, непримиримый конфликт между которыми позволяет писателю художественно воссоздать драматизм ситуации.

Герои А. Кешокова выдерживают трудные испытания, нравственный итог которым подводит Бекан, выражая в формулах традиционной мудрости новое отношение к историческому пути своего народа: «Мой дом в развалинах. Не беда. Лишь бы голова была цела – шапка найдется. Построю я дом. Еще лучше и красивей. Построю на радость потомству. Не сломанная подкова прерывает путь, а сломанная воля. У нас сломана лишь подкова, воля не сломана» [8, с. 98].

При всем трагическом развороте Кавказской войны, завершившейся в XIX веке, ее кровавых законов Северный Кавказ становится для русской культуры символом вольности, а горцы – его живым воплощением. Взаимосвязи двух различных культур не будут отменены ни самой войной, ни ее последствиями.

В этой трагической ситуации и рождается у М. Лермонтова вопрос:

Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем? [9, с. 27].

Лучший ответ на этот трагический вопрос в кабардинской литературе 80-х годов – роман Сараби Мафедзева «Достойны гыбзы».

Воссоздавая в своем романе подобную противоречивую историческую ситуацию, С. Мафедзев ведет речь о погибших на поле брани с оружием в руках: таков смысл гыбзы.

Главная особенность романа в том, что С. Мафедзев показывает ситуацию войны с точки зрения России и с точки зрения Кавказа, стремится увидеть ее не только «изнутри», но и извне, со стороны русских.

В кабардинской литературе повесть занимает особое место. В отличие от романа с его выраженной акцентацией на прошлое повесть сосредоточена на современности. И в этом нужно видеть закономерность освоения реальной действительности. Каждый раз, когда перед национальной литературой встает задача освоения жизни народа и человека на новом историческом этапе, функции эти зачастую выполняет повесть.

Сложность развития национальной повести усугублялась идеологизацией современной действительности. С этим связана внутренняя противоречивость поэтики жанра, ее художественная неровность и порой отсутствие возможности подняться над журналистикой. Здесь надо сказать, что новым, современно звучащим явлением для кабардинской литературы стала повесть К. Эльгарова «Ночное солнце», в которой семья уже не является нравственным центром повествования, как у его предшественников, асоциально-нравственный раскол проходит в рамках патриархальной семьи, что, собственно, и явилось оригинальным шагом к деидеологизации кабардинской литературы.

Среди удачных примеров следует также назвать повесть «Ранняя весна» Б. Журтова. В ней автор нашел верный лирический тон, временную дистанцию (герой повести заново переживает давно минувшую историю), оправдывающую сюжетно-композиционный

строй произведения. Повесть сыграла свою заметную роль в лиризации данного жанра в кабардинской литературе.

В отличие от повести современный кабардинский рассказ, его тематика и проблематика, жанровые модификации определяют особые функции в современном литературном процессе. С этим связаны высокие художественные задачи и достижения кабардинского рассказа. Система жанровых модификаций и художественные достижения писателей-новеллистов, формирование творческих индивидуальностей определяются прежде всего тем, что этот жанр отличается новым уровнем понимания и прочтения национально-эпической традиции.

Можно утверждать, что рассказ в переходный для литературы период обновляет поэтику прозы в целом. Такая тенденция связана с именами Ахмедхана Налоева, Заура Налоева, Бориса Мазихова, Бориса Кагермазова, Сафарби Хахова, определившими стилевую динамику данного жанра.

Таким образом, кабардинский рассказ выявил кризис псевдоэпоса и утвердил тенденцию «стяжения» структуры пространственного рассказа.

Еще одним вектором развития кабардинской литературы, оказавшим решающее влияние на формирование новой художественности, оказался процесс преодоления пространственных, поэтических и повествовательных жанров в национальной литературе. Наиболее показательные его образцы в лучших афоризмах и миниатюрах С. Бейтуганова. Они сохраняют свой этический, дидактический и жизненный потенциал, являя собой концентрированные резюме, сделанные в процессе наблюдения за реальной действительностью.

Таким образом, столетнюю логику развития национальной литературы следует рассматривать как эволюционный процесс, вписавшийся в советскую глобализацию, открывший новые пути дальнейшего развития кабардинской литературы в условиях современной культурной универсализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суюхов С. Воскресение из мертвых. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1991. 189 с.
2. Кешоков А. Стихотворения и поэмы. Москва: Гослитиздат, 1957. 336.
3. Тхагазитов З. Избранное: Стихи, поэмы. В 2 т. Нальчик: Эльбрус, 1994. 414 с.
4. Тхагазитов Ю. Этнокультурные основы романа «Сломанная подкова» А. Кешокова // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. № 1(52). 2022. С. 93–98.
5. Губжожиков Л. Живу для живых. Жизнь и творчество. Нальчик: Эльбрус, 2013. 176 с.
6. Бишуев А. Позывные жизни. Стихотворения. Баллады. Поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2000. 223 с.
7. Тхагазитов Ю. М., Толгуров Т. З., Хавжокова Л. Б. Эволюция кабардинской прозы XX в. (к 100-летию государственности КБР) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 3(54). С. 123–127. DOI: 10.25744/vestnik.2021.54.3.017
8. Кешоков А. Сломанная подкова. Москва: Мол. Гвардия, 1973. 527 с.
9. Лермонтов М. Сильней страданий роковых. Стихотворения. Поэмы. Москва: Военное изд-во, 1992. 558 с.

REFERENCES

1. Siyukhov S. *Voskreseniye iz mertvykh* [Resurrection from the Dead]. Maykop: Adygeyskoye knizhnoye izd-vo, 1991. 189 p. (In Russian)
2. Keshokov A. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. Moscow: Goslitizdat, 1957. 336 p. (In Russian)

3. Tkhagazitov Z. *Izbrannoye: Stikhi, poemy* [Favorites: Poems, poems]. Nal'chik: El'brus, 1994. 414 p. (In Russian)
4. Tkhagazitov Yu. Ethnocultural foundations of the novel “The Broken Horseshoe” by A. Keshokov. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy* [Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research]. No. 1(52). 2022. Pp. 93–98.
5. Gubzhokov L. *Zhivu dlya zhivyykh. Zhizn' i tvorchestvo* [I live for the living. Life and creativity]. Nal'chik: El'brus, 2013. 176 p. (In Russian)
6. Bitsuyev A. *Pozyvnyye zhizni. Stikhotvoreniya. Ballady. Poemy* [Call signs of life. Poems.]. Nal'chik: El'brus, 2000. 223 p. (In Russian)
7. Tkhagazitov Yu.M., Tolgurov T.Z., Khavzhokova L.B. The evolution of Kabardian prose of the 20th century (to the 100th anniversary of the statehood of the Kabardino-Balkaria). *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. 2021. No. 3(54). Pp. 123–127. DOI: 10.25744/vestnik.2021.54.3.01
8. Keshokov A. *Slomannaya podkova* [Broken horseshoe]. Moscow: Mol. Gvardiya, 1973. 527 p. (In Russian)
9. Lermontov M. *Sil'ney stradaniy rokovykh. Stikhotvoreniya. Poemy* [Stronger than fatal suffering. Poems]. Moscow: Voennoye izd-vo, 1992. 558 p. (In Russian)

Информация об авторе

Тхагазитов Юрий Мухамедович, д-р филол. наук, вед. науч. сотр., Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук; 360000, Россия, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18; yutkhag@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>

Information about the author

Tkhagazitov Yuri Mukhamedovich, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Humanitarian Researches – branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 360000, Russia, Nalchik, 18 Pushkin street; yutkhag@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5566-9156>